

Побродив взглядом по своему отражению, императрица вздохнула:

— Нынешним вечером государь, пожалуй, не пожалует ко мне. Слышала, у наложницы Ли заболела новорождённая принцесса. Вероятно, он отправится к ней. Таков удел женщин в этом дворце: всю жизнь ждать одного мужчину, чьё сердце поделено меж десятками. Подумать только — как же это печально.

— Ваше Величество, с такими речами я не согласна. Вы — первая в императорском гареме, государь всегда питал к вам почтение и любовь, и сердце его неизменно лежало к вам. Я-то вижу это ясно. Если уж вы так говорите, то прочим господам в гареме и вовсе остаётся лишь плакать.

Слова Яо Би, казалось, были возражением, но на деле каждая фраза служила утешением, и императрица это отлично понимала.

Она слабо улыбнулась:

— Прочих в этом дворце я и впрямь не беру в расчёт. Озаботиться же мне приходится лишь супругой Сяо. Любовь государя — дело одно, но более всего тревожит меня Янь.

— Ваше Величество, второй принц с младых ногтей отличался умом, государь всегда его хвалил, да и сановники при дворе не скупятся на похвалы. К тому же он — законный сын императрицы, будущий престол...

— Яо Би! — императрица подняла руку, прерывая её. — Помыслы государя неисповедимы. О деле наследника нам рассуждать не подобает.

— Простите, не сдержала язык, — Яо Би поспешно опустилась на колени. К счастью, императрица не стала её наказывать, сделав лишь короткое внушение и позволив подняться.

Едва закончили с нарядом и убранством, как служанка за дверьми покоев возвестила:

— Второй принц просит аудиенции.

Императрица тут же встала, и на лице её расцвела не скрываемая улыбка. Она велела малому евнуху увести гостя в цветочный павильон.

Под возглас евнуха в павильон вошёл отрок лет тринадцати-четырнадцати, облачённый в повседневное платье нежно-бирюзового цвета. Стан его ещё не сформировался полностью, сохраняя юношескую стройность, но осанка была прямой, словно у молодого бамбука, и уже угадывались будущие широкие плечи, узкая талия и длинные ноги.

Волосы, чёрные и глянцевитые, были собраны в высокий хвост, увенчанный шпилькой, с двумя золотыми кистями, ниспадавшими сзади. Виски аккуратно подстрижены, будто ножом срезаны, отчего лицо казалось ещё более одухотворённым и утончённым.

Юноша походил на императрицу раз на семь: брови стремились к вискам, очи холодны, как звёзды, — облик редкой красоты, при виде которого невольно вырвется: «Прекрасен!»

Лишь во взгляде не было женской нежности, зато присутствовали юношеская уверенность и живость. Движения его были исполнены благородной сдержанности и безупречных манер, что говорило о превосходном воспитании.

Он и был законным сыном императора Цинлуна, Гу Циянем.

Императрица уже ожидала его в павильоне и, едва завидев, взяла за руку и увела в смежную комнату. Прочие служанки и евнухи с должной понятливостью удалились, осталась лишь Яо Би.

Внимательно окинув Гу Цияня взглядом с головы до ног, поправив его верхнее платье, императрица с нежностью и жалостью воскликнула:

— Два с лишним месяца не виделась — совсем исхудал! Всё твой дядя виноват, зря прихватил с собой на подаяние пострадавшим от бедствия. Северо-западные земли засушливы, нравы там дики, да ещё беглый люд и разбойники шастают. Случись с тобой что — разве сердце матери выдержит?

Голос её задрожал, глаза навлажнились при воспоминании о тревогах тех двух месяцев.

Гу Циянь придвинулся ближе и мягко утешил:

— Матушка, я отправился на северо-запад, дабы помочь страждущим. Отец не раз учил меня любить народ, как собственных детей. Ныне же дети сии терпят голод — как могу я оставаться во дворце в праздности? Дядя же взял меня лишь потому, что я сам настоял. Все сии дни я был осмотрителен и ни в чём не пострадал. Умоляю, не тревожьтесь.

— Как же не тревожиться? — императрица с укором взглянула на него. — Сын за тысячу ли — материнское сердце за ним. Ты — плоть от плоти моей. На холодном и суровом северо-западе сколько же лишений претерпел! Себе ты не жалеешь, а мне сердце кровью обливается.

Хотя говорила она так, императрица понимала: птицу, возвращённую в клетке, небо не обнимет. Как ни жаль сына, держать его вечно за дворцовыми стенами невозможно — время от времени нужна и закалка.

Усадив Гу Цияня, она принялась расспрашивать в подробностях о делах на северо-западе. Гу Циянь отвечал обстоятельно, а под конец спросил:

— Матушка, я слышал от отца, что третий брат отбыл в юго-западный военный лагерь?

— Ещё бы! — недовольно фыркнула императрица. — Лишь прослышал, что ты отправился на северо-запад подавать милостыню, как тут же завопил, что и ему надобно в лагерь для закалки. Благо дядя его, Сяо Цаймин, там главнокомандующим. Супруга Сяо упростила государя — вот и отправили её сынка в юго-западный лагерь.

— Вспомню я супругу Сяо — и вся злость поднимается. Зря я её за старшую сестру почитала. Только я во дворец ступила — она следом. А обиднее всего твой отец! Когда я на пятом месяце тебя носила, придворный лекарь вдруг возвестил, будто у супруги Сяо уже два месяца срок. Чуть не померла со злости!

Гу Циянь лишь вздохнул, услышав, как мать вновь перебирает старые обиды. О расприх между императрицей и супругой Сяо он наслушался с детства. Обе до вступления во дворец были красавицами, чья слава гремела по всей столице: императрица — нежная и изящная, супруга Сяо — яркая и величественная. Обе с ума сводили молодых аристократов, и сватов едва ли не в дверях толкотня была.

Удивительнее же всего, что красавицы те были закадычными подругами. Императрица — из

семьи учёных, талантливая и начитанная; супруга Сяо — из военного рода, в кулачном бою искусна. Молва гласила, будто супруга Сяо однажды спасла императрицу, в одиночку отбившись от шести уличных хулиганов. С тех пор они стали неразлучны: вместе ели, вместе жили, даже на одном ложе спали.

Однако дружба сия окончательно рухнула, когда обе вошли во дворец. Не только сами они бились насмерть за благосклонность государя, но и сыновья их схлестнулись в борьбе за трон. Второй принц, Гу Циянь, пользовался немалым авторитетом среди гражданских чиновников, третий же, Гу Цимин, имел поддержку в военных кругах. Никто не желал уступить.

Терпеливо выслушав сетования императрицы, Гу Циянь поднялся, чтобы откланяться.

Дворец Чансинь, где он проживал, находился на некотором отдалении от материнского Чэнцзяня, и путь пролегал через Императорский сад.

Стояла пора, когда трава в рост идёт, а иволги поют. В саду все цветы наперебой распускались, пурпурные и алые переливчатые, даже в воздухе витал аромат.

Гу Циянь неспешно прогуливался по садовой тропинке, за ним следовал его преданный евнух Сяо Доуцзы.

Пройдя мимо куста махровых пионов, он невольно остановился, чтобы полюбоваться. Пионы цвели пышно, розовые цветки, наслаиваясь друг на друга, являли собой картину великолепия и роскоши, особенно прекрасную на фоне изумрудной зелени.

Сяо Доуцзы, человек сообразительный, тут же подскочил с улыбкой:

— Ваше Высочество, куст сей цветёт изумительно. Прикажете сорвать несколько цветов для покоев?

— Нет, — Гу Циянь покачал головой, наклонился и нежно коснулся лепестков кончиками пальцев. Подумав, добавил:

— Позже вели выбрать несколько самых прекрасных и отослать матери.

— Слушаюсь, — ответил Сяо Доуцзы.

Полюбовавшись ещё немного, Гу Циянь собрался уходить, но, подняв ногу, увидел, как из-под куста выкатилась жемчужина ночного сияния. Присмотревшись, он понял, что жемчужина выглядит до боли знакомой — точь-в-точь как та, что пожаловал ему отец-император.

О трёх жемчужинах он знал: государство Цзяо преподнесло три, одну вручили ему, другую — третьему принцу, а о третьей, как слышал, ещё не было решения. Откуда же взялась сия, выкатившаяся из-под цветов?

В душе Гу Цияня зашевелились подозрения. Он наклонился, чтобы поднять жемчужину. Едва пальцы коснулись шарика, как куст пионов вновь зашевелился. Густая листва слегка затрепетала, движение усиливалось, послышалось шуршание.

— Ваше Высочество, в кусте что-то есть! — прошептал Сяо Доуцзы.

Не успел Гу Циянь ответить, как из зарослей пиона выскочил маленький пушистый комок и стремительно метнулся к нему. Тыльная сторона ладони внезапно стала тёплой, и он с

изумлением обнаружил, что этот мохнатый комочек уже устроился у него на руках, обхватив запястье обеими передними лапками вместе с жемчужиной.

— Ваше Высочество, да это же кот! — вскрикнул Сяо Доуцзы и умолк под строгим взглядом принца.

Устроившийся на руке котёнок был мягким и крошечным. На первый взгляд казался белым, но при ближайшем рассмотрении уши и хвост оказались тёмно-коричневыми, почти чёрными, спинка — нежно-кремового оттенка, а брюшко и остальные части — белыми.

Шерсть его была длиннее, чем у обычных кошек, но короче, чем у персидских, мягкой, гладкой и глянцевиной.

Уши недлинные, слегка наклонённые вперёд, широко расставленные, с округлыми кончиками и плавными изгибами. В сочетании с размашисто виляющим сзади пушистым хвостом это выглядело невероятно мило, и рука сама тянулась погладить.

<http://bllate.org/book/16288/1467709>